

Смирнова Нина Валериевна

аспирант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
dom-hors@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация:

В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы социального неравенства. Автор подвергает анализу стратификационные подходы начиная с античности и кончая современностью. Особенно глубокому анализу подвергнуты стратификационные теории К. Маркса, М. Вебера и П. Сорокина.

Ключевые слова:

социальное неравенство, классовая структура общества, стратификация, классы, статусные группы, партии, классовая дифференциация, структурные подходы, функциональные подходы, социальная мобильность, горизонтальная социальная мобильность, каналы социальной мобильности, вертикальная социальная мобильность, открытое общество, закрытое общество.

Smirnova Nina Valerievna

PhD student, Department of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Russian Interior Ministry
dom-hors@mail.ru

SOCIAL INEQUALITY: THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Summary:

The paper examines the theoretical aspects of the problem of social inequality. The author analyzes the stratification approaches from antiquity to contemporary. Particularly deep analysis subjected stratification theory of Karl Marx, Max Weber and Sorokin.

Keywords:

social inequality, class structure of society, stratification, class, status groups, parties, class differentiations, structural approaches, functional approaches, social mobility, horizontal social mobility, the channels of social mobility, upward social mobility, an open society, a closed society.

Проблема социального неравенства возникла одновременно с формированием человеческого общества. Еще древнегреческий философ Платон размышлял над расслоением людей на богатых и бедных. Он считал, что государство представляет собой как бы два государства. Одно составляют бедные, другое – богатые, и все они живут вместе, строя друг другу всяческие козни. Платон был «первым политическим идеологом, мыслившим в терминах классов», – считает Карл Поппер [1]. В таком обществе людей преследует страх и неуверенность. Здоровое общество должно быть иным.

В своем труде «Государство» Платон утверждал, что правильное государство можно научно обосновывать, а не искать ощупью, страшась, веря и импровизируя.

Платон предпологал, что это новое, научно спроектированное общество будет не только осуществлять принципы справедливости, но и обеспечивать социальную стабильность и внутреннюю дисциплину. Именно таким он представлял общество, руководимое правителями [2].

Аристотель в «Политике» также рассмотрел вопрос о социальном неравенстве. Он писал, что ныне во всех государствах есть три элемента: один класс – очень богат; другой – очень беден; третий же – средний. Этот третий – наилучший, поскольку его члены по условиям жизни наиболее готовы следовать рациональному принципу. Именно из бедняков и богачей одни вырастают преступниками, а другие мошенниками.

Реалистически размышляя о стабильности государства, Аристотель отмечал, что необходимо думать о бедных, ибо у государства, где множество бедняков исключено из управления, неизбежно будет много врагов. Ведь бедность порождает бунт и преступления там, где нет среднего класса и бедных огромное большинство, возникают осложнения, и государство обречено на гибель. Аристотель выступал как против власти бедняков, лишенных собственности, так и против эгоистического правления богатой plutократии. Лучшее общество формируется из среднего класса, и государство, где этот класс многочисленнее и сильнее, чем оба других, вместе взятых, управляется лучше всего, ибо обеспечено общественное равновесие [3].

По мнению социологов всех идейных направлений, никто в истории общественной мысли столь определенно, как К. Маркс, не подчеркивал, что источником социального развития выступает борьба между антагонистическими общественными классами. По Марксу, классы возникают и противостоят на основе различного положения и различных ролей, выполняемых индивидами в производственной структуре общества.

Но сам К. Маркс справедливо отмечал, что ему не принадлежит заслуга открытия существования классов и их борьбы между собой. И действительно со времен Платона, но, конечно, особенно с тех пор, как буржуазия властно вступила в XVIII веке на сцену истории, многие экономисты, философы, историки прочно вводят в обществоведение Европы понятие «социальный класс» (Адам Смит, Этьен Кондильяк, Клод Сен-Симон, Франсуа Гизо, Огюст Минье и др.) [4].

Однако никто до Маркса не давал столь глубокого обоснования классовой структуры общества, выводя ее из фундаментального анализа всей системы экономических отношений. Никто до него не давал столь всестороннего раскрытия классовых отношений, механизма эксплуатации в том капиталистическом обществе, которое существовало в его время. Поэтому в большинстве современных работ по проблемам социального неравенства, стратификации и классовой дифференциации в равной мере и у сторонников марксизма, и у авторов, далеких от позиций К. Маркса, дается разбор его теории классов.

Решающее значение для складывания современных представлений о сущности, формах и функциях социального неравенства, наряду с Марксом, имел Макс Вебер – классик мировой социологической теории. Идейная основа взглядов Вебера состоит в том, что индивид является субъектом социального действия.

В противовес Марксу Вебер кроме экономического аспекта стратификации учитывал такие аспекты, как власть и престиж. Вебер рассматривал собственность, власть и престиж как три отдельных, взаимодействующих фактора, лежащих в основе иерархий в любом обществе. Различия в собственности порождают экономические классы; различия, имеющие отношение к власти, порождают политические партии, а престижные различия дают статусные группировки, или страты. Отсюда он сформулировал свое представление о «трех автономных измерениях стратификации». Он подчеркивал, что «классы», «статусные группы» и «партии» – явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества [5].

Основное противоречие Вебера с Марксом состоит в том, что по Веберу класс не может быть субъектом действия, так как он не является общиной. В отличие от Маркса, Вебер связывал понятие класса лишь с капиталистическим обществом, где важнейшим регулятором отношений выступает рынок. Посредством него люди удовлетворяют свои потребности в материальных благах и услугах. Однако на рынке люди занимают разные позиции или находятся в разной классовой ситуации. Здесь все продают и покупают. Одни продают товары, услуги; другие – рабочую силу. Отличие здесь в том, что одни владеют собственностью, а у других она отсутствует.

У Вебера нет четкой классовой структуры капиталистического общества, поэтому разные интерпретаторы его работ дают несовпадающие перечни классов.

Вебер утверждал, что собственники – это «позитивно привилегированный» класс. На другом полюсе – «негативно привилегированный» класс, сюда он включал тех, кто не имеет ни собственности, ни квалификации, которую можно предложить на рынке.

Существует множество стратификационных критериев, по которым можно делить любое общество. С каждым из них связаны особые способы детерминации и воспроизводства социального неравенства. Характер социального расслоения и способ его утверждения в своем единстве образуют то, что мы называем стратификационной системой.

Когда заходит речь об основных типах стратификационных систем, обычно дается описание кастовой, рабовладельческой, сословной и классовой дифференциации. При этом принято отождествлять их с историческими типами общественного устройства, наблюдаемыми в современном мире или уже безвозвратно ушедшими в прошлое. Мы же придерживаемся несколько иного подхода, считая, что любое конкретное общество состоит из комбинаций различных стратификационных систем и множества их переходных форм.

Поэтому мы предпочитаем говорить об идеальных типах даже тогда, когда используем элементы традиционной терминологии.

Многочисленные подходы к понятию можно условно разделить на две основные группы – властные и меритократические. В соответствии с первыми, элитой являются те, кто обладают в данном обществе решающей властью, а в соответствии со вторыми – те, кто обладают некими особыми достоинствами и личными качествами, независимо от того, располагают ли они властью или нет. В последнем случае элита выделяется по талантам и заслугам. Иногда властные и меритократические подходы условно обозначают как «линию Лассуэла» и «линию Парето». Хотя первый подход может быть с не меньшим успехом назван «линией Моска» или «линией Миллса» [6].

В свою очередь, властные подходы подразделяются на структурные и функциональные. Выбирающие более простой с эмпирической точки зрения структурный подход считают элитой

круг лиц, занимающих высшие должностные позиции в рассматриваемых институтах (министры, директора, военачальники). Те же, кто останавливаются на функциональном подходе, задают себе более трудную задачу: выделить группы, обладающие реальной властью в принятии общественно важных решений (многие представители этих групп, понятно, могут не занимать каких-либо видных общественных постов, оставаться в «тени»).

Изучение социальной мобильности было начато П. Сорокиным, опубликовавшим в 1927 году книгу «Social Mobility, Its Forms and Fluctuation». Он писал, что под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), т.е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую. Существуют два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Перемещение некоего индивида из баптистской в методистскую религиозную группу, из одного гражданства в другое, из одной семьи (как мужа, так и жены) в другую при разводе или при повторном браке, с одной фабрики на другую, при сохранении при этом своего профессионального статуса, – все это примеры горизонтальной социальной мобильности. Ими же являются перемещения социальных объектов (радио, автомобиля, моды, идеи коммунизма, теории Дарвина) в рамках одного социального пласта, подобно перемещению из Айовы до Калифорнии или с некоего места до любого другого. Во всех этих случаях «перемещение» может происходить без каких-либо заметных изменений социального положения индивида или социального объекта в вертикальном направлении [7].

Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направлений перемещений существует два типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая, т.е. социальный подъем и социальный спуск. В соответствии с природой стратификации есть нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уже о других менее важных типах. Восходящие течения существуют в двух основных формах: проникновение индивида из нижнего пласта в существующий более высокий пласт; создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий пласт на уровень с уже существующими группами этого пласта. Соответственно и нисходящие течения так же имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой исходной группы, к которой он ранее принадлежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или разрушении ее социального единства. В первом случае падение напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором – погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги.

Социальная мобильность может быть двух видов: мобильность как добровольное перемещение или циркуляция индивидов в рамках социальной иерархии; и мобильность, диктуемая структурными изменениями. При урбанизации и индустриализации происходит количественный рост профессий и соответствующие изменения требований к квалификации и профессиональной подготовке. Как следствие индустриализации наблюдается относительный рост рабочей силы, занятости в категории «белых воротничков», уменьшение абсолютной численности сельскохозяйственных рабочих. Степень индустриализации фактически коррелирует с уровнем мобильности, так как ведет к росту числа профессий высокого статуса и к падению занятости в профессиональных категориях низшего ранга.

Следует отметить, что многие сравнительные исследования показали: под влиянием сил изменения в стратификационных системах прежде всего возрастает социальная дифференциация. Передовая технология дает толчок возникновению большого числа новых профессий. Индустриализация приводит в большее соответствие профессионализм, подготовку и вознаграждение. Иными словами для индивидов и групп становится характерной тенденция к относительно устойчивым позициям в ранжированной стратификационной иерархии. В итоге усиливается социальная мобильность. Уровень мобильности возрастает в основном в следствие количественного роста профессий в середине стратификационной иерархии, т.е. за счет вынужденной мобильности, хотя активизируется и добровольная, так как большой вес приобретает ориентация на достижение.

Столь же, если не в большей мере, влияет на уровень и характер мобильности системы общественного устройства. Ученые давно обратили внимание на качественные различия в этом отношении между обществами открытого и закрытого типа. В открытом обществе нет формальных ограничений мобильности и почти отсутствуют неформальные.

Закрытое общество, жесткой структурой препятствующее увеличению мобильности, тем самым противостоит нестабильности.

Социальную мобильность правильнее было бы назвать обратной стороной той же проблемы неравенства, так как социальное неравенство усиливается и узаконивается в процессе социальной мобильности, функцией которой является отвод в безопасные каналы и сдерживание недовольства.

В закрытом обществе мобильность вверх ограничена не только количественно, но и качественно, поэтому индивиды, достигшие верхов, но не получающие той доли социальных благ, на которую они рассчитывали, начинают рассматривать существующий порядок как помеху к достижению своих законных целей и стремятся к радикальным изменениям. Среди лиц, мобильность которых направлена вниз, в закрытом обществе часто оказываются те, кто по образованию и способностям более подготовлен к руководству, чем основная масса населения, – из них и формируются вожди революционного движения в тот период, когда противоречия общества приводят к конфликту в нем классов.

В открытом обществе, где сохранилось мало барьеров, мешающих продвижению вверх, те, кто поднимаются вверх, имеют тенденцию отходить от политической ориентации класса, в который они перешли. Аналогично выглядит поведение тех, кто снижает свое положение. Таким образом, те, кто поднимаются в высшую страту, менее консервативны, чем постоянные члены высшей страты. С другой стороны, «сброшенные вниз» являются более левыми, чем стабильные члены низшей страты. Следовательно, движение в целом способствует стабильности и в то же время динамизму открытого общества.

Разнообразие отношений ролей, позиций приводят к различиям между людьми в каждом конкретном обществе. Проблема сводится к тому, чтобы каким-то образом упорядочить эти отношения между категориями людей, различающихся во многих аспектах.

Исходя из вышеизложенного, в самом общем виде неравенство означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Для описания системы неравенства между группами людей в социологии широко применяют понятие «социальной стратификации».

При рассмотрении проблемы социального неравенства вполне оправдано исходить из теории социально-экономической неоднородности труда. Выполняя качественно неравные виды труда, в разной степени удовлетворяя общественные потребности, люди иногда оказываются заняты экономически неоднородным трудом, ибо такие виды труда имеют разную оценку их общественной полезности.

Именно социально-экономическая неоднородность труда – не только следствие, но и причина присвоения одними людьми власти, собственности, престижа и отсутствия всех этих знаков продвинутой в общественной иерархии у других. Каждая из групп вырабатывает свои ценности и нормы и опирается на них, если они размещаются по иерархическому принципу, то они являются социальными слоями.

В социальной стратификации имеет тенденцию наследование позиций. Действие принципа наследования позиций приводит к тому, что далеко не все способные и образованные индивиды имеют равные шансы занять властные, обладающие высокими принципами и хорошо оплачиваемые позиции. Здесь действуют два механизма селекции: неравный доступ к подлинно качественному образованию; неодинаковые возможности получения позиций в равной степени подготовленными индивидами.

Социальная стратификация обладает традиционным характером. Поскольку при исторической подвижности формы ее сущность, т.е. неравенство положения разных групп людей, сохраняется на протяжении всей истории цивилизации. Даже в примитивных обществах возраст и пол в сочетании с физической силой был важным критерием стратификации.

Учитывая неудовлетворенность членов общества существующей системой распределения власти, собственности и условий индивидуального развития, все же нужно иметь в виду универсальность неравенства людей.

Стратификация, как и любая другая наука, имеет свои формы. До сих пор мы говорили о неравенстве без учета его формы. Между тем от формы зависит и интенсивность стратификации. Теоретические возможности здесь колеблются от такой крайности, когда любому статусу приписывается одинаковое количество и того, и другого, и третьего. Крайних форм стратификации не было ни в одном историческом объекте.

Сопоставим ситуацию, когда в обществе многочисленны социальные слои, социальная дистанция между которыми невелика, уровень мобильности высок, низшие слои составляют меньшинство членов общества, быстрый технологический рост постоянно повышает «планку» содержательного труда на нижних ярусах производственных позиций, социальная защищен-

ность слабых, помимо прочего, гарантирует сильным и продвинутым спокойствие и реализацию потенциалов. Трудно отрицать, что такое общество, такое межслоевое взаимодействие, скорее, по своему идеальная модель, чем обыденная реальность.

Большинство современных обществ далеки от этой модели. Или присущи концентрация власти и ресурсов у численно небольшой элиты. Концентрация у элиты таких статусных атрибутов, как власть, собственность и образование препятствует социальному взаимодействию между элитой и другими стратами, приводит к чрезмерной социальной дистанции между нею и большинством. Это означает, что средний класс немногочислен и верх лишен связи с остальными группами. Очевидно, что такой социальный порядок способствует разрушительным конфликтам.

Ссылки:

1. Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10.
2. Нерсесянц В.С. Платон. М., 1984.
3. Канарш Г.Ю. Этические основания политики в современном аристотелианстве // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2.
4. Карл Маркс и современная философия. М., 1999.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
7. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. М., 2005.

References (transliterated):

1. Popper K. Logika sotsial'nykh nauk // Voprosy filosofii. 1992. № 10.
2. Nersesyants V.S. Platon. M., 1984.
3. Kanarsh G.YU. Eticheskiye osnovaniya politiki v sovremennom aristotelianstve // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2005. № 2.
4. Karl Marks i sovremennaya filosofiya. M., 1999.
5. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M., 1990.
6. Rittser Dzh. Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii. 5-ye izd. SPb., 2002.
7. Sorokin P.A. Sotsial'naya mobil'nost' / Per. s angl. M.V. Sokolovoy. M., 2005.